

С.С. МИНЦ

БОРЬБА С “СИОНИЗМОМ” НА КУБАНИ

Борьба с сионизмом – одна из реалий современной общественной жизни. Как правило, она имеет мало общего с историей сионизма, целью которого было создание еврейского национального государства; а затем, после провозглашения в 1948 г. государства Израиль – возвращение на историческую родину евреев со всего мира. В политической жизни Советского Союза сионизму была отведена роль “страшилки”, используемой в качестве политического ярлыка. Обвинение в сионизме, как и ссылки на многие другие “измы”, позволяло осудить человека, не совершившего никакого очевидного преступления, кроме несогласия (иногда внутреннего и не слишком афишируемого) с системой. Обвинения в сионизме могли носить публичный характер или не афишироваться за пределами карательных инстанций. Их конкретное содержание никого не интересовало, поскольку само понятие сионизма носило чисто знаковый характер. Оно всегда обозначало человека враждебных политических взглядов, активно противодействовавшего линии партии. Мифологическая природа представлений о сионизме позволяла проводить под его прикрытием политические акции, которые в другом контексте вызвали бы неприятие массового сознания.

Со времен Екатерины царская администрация не приветствовала появление евреев на Кубани, но целенаправленная борьба с сионизмом возникла здесь много позже, как одна из реалий гражданской войны. Она была использована в идеологии Белого движения для усиления его антикоммунистической и антибольшевистской направленности [1].

С упрочением советского режима обвинения в симпатиях к сионизму стали нормой в конкурентной борьбе государственных служащих. Особенно это явление было распространено в среде работников науки, культуры и искусства. Не обошло оно стороной и интеллектуальную элиту Кубани.

С конца 1980-х годов, когда в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе “Кубань” стали регулярно появляться работы о русофобии и заговоре “мировой закулисы” против всего мира и России в частности, особенно после знаменитого апрельского (1991 г.) доклада Н.И. Кондратенко, тогда еще председателя Краевого Совета народных депутатов, о причинах экономических трудностей Краснодарского края на фоне экономического краха всей страны, Кубань заслужила сомнительную славу «центра» борьбы с мировым сионизмом. Жителям Кубани такая ее репута-

Минц Светлана Самуиловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета. **Адрес:** 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ФИСМО КубГУ. **Телефон:** (8612) 699–556. **Электронная почта:** smintz@hist.kubsu.ru

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддерживаемого фондом Дж. и К. Макартугов.

ция, а также безоговорочное причисление региона к так называемому красно-коричневому поясу, кажется преувеличением. Тем не менее, современную политическую жизнь Краснодарского края трудно представить без такого явления, как борьба властных структур и некоторых СМИ с “мировой закулисой”, осью которой по старой памяти они считают США и Израиль. Как официальная политическая линия борьба с сионизмом приобретает сторонников и оказывает влияние на сознание кубанцев.

Даже в развлекательной литературе (например, в детективах израильского автора Д. Клугера, часто печатающихся в журнале “Искатель”) принято подчеркивать, что все, что связано с российской борьбой с сионизмом, к антисемитизму прямого отношения не имеет, а является видом политической активности правящей элиты в современной России. Практика показывает, однако, что политические игры государственных чиновников и политиков разного масштаба рано или поздно сказываются на положении всего населения. Достаточно вспомнить, что горячие точки на территории бывшего Советского Союза возникали в результате борьбы чиновников разных масштабов за власть и сферы влияния. Номенклатурный характер этих конфликтов хорошо известен [2–7].

Непримиримое стремление кубанской краевой и большинства районных администраций противостоять мировому сионизму не является чем-то исключительным. Оно укладывается в парадигматику российского политического менталитета, оформившуюся отнюдь не сегодня. Еще во времена Дмитрия Донского и Земских соборов начала XVII в. претензии отдельных феодальных кланов на административную и политическую самостоятельность нередко заменялись требованием этнического (позже – национального) суверенитета. Интересно, однако, выяснить, почему защита региональной самостоятельности современной кубанской краевой администрации приняла форму борьбы с явлением, не имеющим непосредственной связи с исторической судьбой или политическими реалиями региона. На примере современной политической истории Кубани можно выделить ядро политической ситуации, способной, казалось бы, “из ничего” породить межэтническую напряженность, не укладывающуюся в заявленные правила политической игры и выходящую из-под государственного контроля.

Борьба с сионизмом – род политической игры, использующей традиционные стереотипы религиозной и национальной нетерпимости. Хотят или не хотят того ее инициаторы, пропаганда борьбы с сионизмом активизирует в массовом сознании матрицы антисемитизма, издавна эксплуатируемые православной культурой. О существовании подобных матриц пишет, например, Б.А. Успенский, убедительно показавший, что в средневековой православной традиции еврей – не национальность, а социальная функция [8]. Н.А. Бердяев и П.Н. Милюков выдвинули идею, что русской культуре, в силу ее дуальной¹ природы, для самоосознания требуется некая антикультура. С принятием христианства в этой роли выступало язычество. Когда же утвердилась идея о России как о хранительнице православия, потребовалась антикультура, сложившаяся в русле христианской догматики. В ученой богословской среде объектом противопоставления чаще становились католики, именовавшиеся схизматиками. Обыденное же сознание обращалось к более

¹ Сейчас чаще говорят – бинарной [9].

понятному отрицательному образу еврейского народа. На него христианская Церковь возлагала историческую ответственность за распятие Иисуса Христа. Эта идея активно эксплуатируется русским нацизмом [10]. Господство религиозных матриц в обыденном сознании делает его восприимчивым к настроениям бытового антисемитизма. Не случайно обращение многих современных политических деятелей, воспитанных в атеистическо-коммунистической вере, к христианству делает их искренними сторонниками борьбы с сионизмом. Для сохранения психологического комфорта им легче объяснять сложности своего положения, апеллируя не к рефлексивному самоанализу, а к тысячелетнему историческому опыту.

Связь современного сознания со средневековым традиционализмом редко рассматривается современной наукой вне этнологических исследований. В последнее десятилетие к этой теме часто обращаются культурологи, социологи и политологи [11–13]. Стремительное возвращение в политическое сознание религиозных стереотипов (православное мышление не составляет исключения) заставляет предполагать большую архаизацию российского общества, чем привыкли думать люди, воспитанные на представлениях о величии державы. Борьба с сионизмом имела шанс стать составной частью современного политического менталитета российской провинции только как отражение процессов регионализации, являющихся формой поступательного развития традиционных обществ.

На Кубани этнические стереотипы последнего десятилетия выглядят как инверсия исторически сложившихся социально-статусных признаков. Традиционно они выполняли иную роль, чем этнические маркеры в других регионах Северного Кавказа. Там этнической идентичности стали придавать значение цивилизационных признаков. Осознание своей культуры как самостоятельной цивилизации становится психологической основой для политического сепаратизма. На Кубани социокультурные стереотипы, сложившиеся в течение последних двух веков, довольно быстро стали приобретать статус этнической идентичности, ядром которой являлось традиционное отношение к государственной власти (на Кавказе *русским* всегда был тот, кто служил России). Но в последнее время идея служения государству слишком часто вступает в противоречие с частными интересами людей, в массе своей обнаруживших, что государственные структуры любого уровня не способны и не собираются обеспечивать защиту ни чести, ни достоинства, ни имущества, ни самой жизни своих граждан. Кризис сословно-статусной идентичности делает особенно острой потребность в признаках, обозначающих принадлежность частного человека к *сообществу*. Этническая идентичность в современном российском обществе складывается под воздействием коллективного отторжения от социально-политических институтов, переставших удовлетворять потребности общества. Ее объединяющая способность реализует себя преимущественно на неформальной основе. Стоит ли удивляться, что идея этнической идентичности, а с ней и идея Великой России (а на Северном Кавказе то и дело приходится слышать и о Великой Черкесии или Великой Армении), “работает” сегодня больше на процессы регионализации, чем на реальную консолидацию российского общества.

Устав от пустоты советской пропаганды, население без особого сожаления рассталось с понятием “советский народ”, посчитав его очередной идео-

логической химерой. Практика показала, что в системе личных ценностей людей разных национальностей образовался вакуум, нуждающийся в адекватном заполнении. Поспешный отказ от интегрирующего компонента этнической идентичности стал для некоторых причиной разочарования не только в собственной гражданской полноценности, но и в положении России как великой державы. Претензии России на права политической правопреемницы Советского Союза поддержаны мировым сообществом, но не нашли должного *психологического подтверждения* в сознании ее собственных граждан, в том числе и русских.

Существование России как великой державы связано с реализацией геополитических интересов, которые невозможно совместить с узко очерченными границами расселения какого-либо из населяющих ее этносов. Тип полиэтнического государства требует рождения этноса, способного объединить ради общегосударственных интересов (ради державы!) разноэтнические компоненты. Русский народ исторически складывался в результате полиэтнического синтеза. В XX в. его функции принял на себя приобретающий черты этноса советский народ. Практически директивная отмена этого понятия поставила в трудное положение прежде всего русских. На массовом уровне понятие “советский” еще не сменилось способным его заменить понятием “российский”; из системы личностных идентификаций русских, особенно проживающих в местах компактного расселения других этносов, исчез гражданский компонент [14, с. 58, 62–63 и др.]. В Краснодарском крае, при преобладании славянского населения, вакуум гражданской идентичности усиливается исторической памятью о новоприсоединенности этого региона.

Русские в целом по стране и на территории нашего края, как и другие народы нашей многонациональной Родины, вынуждены искать новые формы этнической самоидентичности. У них есть такой же выбор, как и у других народов России – придать своей этнической особости статус цивилизации² или принять в качестве системообразующей своей национальной идентичности гражданский компонент общегосударственного масштаба, то есть геополитические интересы многонациональной России.

С легкой руки Л.Н. Гумилева этногенез современной русской нации исчисляется с конца XIV века³. В XX в. он еще не был завершен (если в таком постоянно изменяющемся историческом феномене вообще может быть что-то окончательно завершенное). На Кубани можно наблюдать различные фазы этого процесса, спрессованные во времени. На примере региона, с конца XVIII в. ставшего частью Российского государства и заселенного преимуще-

² Так было в начале XVII в., когда Россия отказалась от военно-политического союза с Речью Посполитой. В результате Польша на долгие годы потеряла свою государственную самостоятельность, а Россия, сохранив национальную независимость и самобытность, создала особую евразийскую культуру и теперь с огромным трудом пытается вписаться в стандарты общеевропейской цивилизации.

³ “Собственно говоря, – писал Л.Н. Гумилев, – 1399 год можно считать концом древнерусского этногенеза, как падение Константинополя в 1453 г. – византийского. От побоища на Ворскле выиграла только Москва”. Чуть дальше он, правда, уравнивает оба процесса и сводит их к 1453 г. См. [15, с. 666, 678 и далее].

ственно русскими, более четко видны и те противоречивые пересечения разновременных и разнонаправленных тенденций, которые влияют на формирование национального и политического сознания в условиях системного общероссийского кризиса. Тем более что в сознании славянского населения Кубани исторически присутствуют следы старообрядчества, традиционно соединявшего свои представления о праведности и социальной справедливости с известной оппозиционностью официальным государственным структурам.

Кубанское казачество как этносоциальная общность тоже выбирает пути становления своего этнополитического сознания. В своем самосознании оно претендует на роль хранителя истинно русской культуры (общинного земледельческого образа жизни, православной веры и военного служения Отечеству) и спасителя русской нации. Ради этого сословно-статусная группа, сложившаяся в рамках российской государственной системы в XVIII – первой половине XIX в., объявляется народом не менее древним, чем скифы, а его противостояние тайной сионистской экспансии – продолжением более чем тысячелетней борьбы “двух народов: казаков и славян” с Хазарским каганатом [16]. Новый миф широко тиражируется и поддерживается официальными властями. Вдохновляется этот миф официальной политической риторикой, строящейся по типу дискурса угнетенного национального меньшинства: идиллическая социальная гармония до явного или тайного завоевания; порабощение другим этносом; геноцид “коренного” населения; необходимость возврата к изначальным культурным канонам; признание самоценности этнокультурного своеобразия, нуждающегося в подкреплении политической самостоятельностью.

Надежды на психологический комфорт у кубанского казачества еще меньше, чем у остального русского населения. Борцы с сионизмом утверждают, что русские дали себя обмануть и отдали власть в стране сионистам. Следуя этой логике, надо признать, что казак как хранитель исконных основ государственности – не русский. Он принадлежит другому этносу и готов на любые жертвы (в том числе и среди русских, потерявших этническую, политическую или религиозную “чистоту” и ставших “христопродавцами” [17]) ради сохранения истинных политических ценностей. Фактически многоцветная этническая палитра народов Северного Кавказа имеет шанс пополниться еще одним малым народом с большими амбициями и нуждой в собственной территории для их осуществления.

Выбор общероссийской системы ценностей в качестве этнических ориентиров сохраняет кубанскому казачеству исторически сложившийся статус особой группы русского этноса, но тогда в сложной ситуации оказываются краевые власти, сделавшие в своей политике акцент на своей оппозиционности Москве. Вместо условной или реальной конфронтации с центром местной администрации придется искать способы рациональной кооперации не только с центральной властью, но и с самим казачеством и всем остальным населением Кубани; отвечать за собственную неспособность выполнить предвыборные обещания не перед начальством из Москвы, а перед собственными избирателями, как русскими, так и нерусскими; реализовывать свой патриотизм не через перенесение политического центра страны в Краснодар или приморский Новороссийск, а через ценности гражданского служения стране и ее народу. Эти ценности исторически формировались, дополнялись и закреплялись в советское время отношением к государственной службе как

единственной реальной привилегии, дающей право на доступ в политику государственного масштаба.

Изменение отношения к государственной службе, происходящее на глазах ныне живущих (не думаю, что его можно свести к последнему десятилетию), тоже способствовало превращению Кубани в арену борьбы с сионизмом. Исключительная роль чиновничества в этом политическом шоу обусловлена историческими особенностями данного региона. В традиционной системе ценностей Российской империи несение государственной службы было равнозначно участию в политической жизни страны. Такое отношение к службе было типичным для военного и статского чиновничества [18–20], оно же было характерно для казачества как психологическое обоснование его прав на привилегии [21]. В советское время принадлежность к государственной власти стала единственным надежным источником существования, а доступ к политической власти – единственным источником реального благосостояния.

За последнее десятилетие престиж государственной службы резко упал. Поскольку основная масса горожан и многие жители сельской местности по-прежнему являются работниками бюджетной сферы, это послужило генератором недовольства местного чиновничества и источником фрустрации для жителей Кубани в целом. Мысль о необходимости борьбы с сионизмом (последний мыслится как локализованный в Москве и имеющий на местах лишь “подголосков”) помогает кубанским управленцам и политикам из официальных структур выразить свое недовольство изменившимся престижем государственной службы и утратой монополии на политическую деятельность.

Узкопрофессиональные конфликты, рожденные в номенклатурной среде, находят благодатную почву для укоренения среди населения края из-за усилий той же номенклатуры, предпринимаемых в течение многих предшествующих десятилетий. В сознании крестьян дореволюционной России всегда присутствовал страх перед чиновниками и вера, впрочем, часто рушащаяся, в защиту “своего” барина или государя-батюшки [22–24]. На Кубани, под давлением традиционной веры в государство, она трансформировалась в боязнь чиновника “из чужих” и веру довольно значительной части населения в безупречного народного защитника – всекубанского “Батьку”⁴.

В одном из плодороднейших регионов страны удивительно сильна боязнь искусственного голода. Формированию этой установки в течение долгого времени способствовали не только политика центра, но и амбиции местной администрации. Оставаться во властных структурах кубанские чиновники могли, только беспрекословно подчиняясь распоряжениям Москвы. Историческая память жителей Кубани, сохранившая воспоминания о станицах, вымирающих от голода, активизируется картинами недавнего прошлого. Люди прекрасно помнят торжественные реляции о перевыполнении кубанцами планов государственных поставок. Их следствием были очереди за сахаром “по килограмму в одни руки”, несъедобный хлеб начала 60-х годов по карточкам, пустые полки продуктовых магазинов в 70–80-х годах, поезда “из центра”, где пассажиры стремились раньше других занять тормозные ящики, служившие импровизированными холодильниками; сосиски и подсолнечное

⁴ Вера эта беззастенчиво эксплуатируется официальными властями [25, 26].

масло “Кубанское” в качестве “деликатесов”, которые можно было свободно купить в Москве, но вплоть до начала 90-х годов приходилось “доставать” на Кубани. Картины эти, естественно, несопоставимы с трагедией реального голода, но историческая память народа превращает в коллективные воспоминания индивидуально-личностные переживания. Не последнее место занимает в исторической памяти жителей Кубани образ чиновника, жертвующего всем ради карьеры и послушно выполняющего распоряжения центра.

В условиях демократизации политической жизни краевая администрация, прокламируя свою мнимую оппозиционность центру, стремится переложить на плечи кубанцев заботу о своем положении в отечественных властных структурах, активизируя стариннейший стереотип крестьянского сознания, который в условиях чрезмерной централизации страны в советское время стал составной частью провинциального менталитета. Историческая память, напрямую не сопоставляя ни страшные голодные годы, ни репрессии сталинских времен, ни последующие хозяйственные и социальные эксперименты с государственной властью в целом, на подсознательном уровне заставляет людей бояться давления центра. Традиционное уважение к государственной власти облакает эти страхи в фантомные образы. Жители Кубани охотно верят, что виновато не государство, а недобросовестные люди, узурпировавшие полномочия государственной власти. Существование “не своего” чиновника готовы подозревать в Москве, в краевом или районном центре, у себя под боком, тем более что кликушество лидеров краевой администрации накладывается на более древние структуры сознания.

Именно к древнейшим доклассовым и раннегосударственным пластам народной памяти нередко обращаются люди, столкнувшиеся с кризисом и православного, и политического сознания в современном российском обществе. Тесный трехсотлетний союз российской государственной Церкви с государственной властью, какие бы формы она ни принимала, не мог не породить в умах людей недоверия к церковным структурам. На обыденном уровне оно выливается в попытки противопоставить христианству как “чужой”, “иудейской” религии более древнее “чистое” язычество, не запятнавшее себя союзом с властью, которая пренебрегает интересами людей. Неспособность государства обеспечить элементарную защиту своих граждан (безопасность жизни и имущества, нормальное существование в нетрудоспособном возрасте) заставляет людей заранее искать средства самозащиты. Части населения надежной защитой представляется создание институтов гражданского общества и механизмов реализации частной инициативы. Другие видят гарантию самозащиты в привычном осознании исключительности своих прав на привилегии.

В современном обществе традиционные архетипы исторического сознания проявляются на уровне коллективного бессознательного и вербализируются в процессе становления этнического самосознания. Борьба за этническую самостоятельность неизменно перерастает в политику национализма. Столь же обязательно создатели правил политической игры сами оказываются во власти традиционных стереотипов. Политические интриги сливаются с коллективным бессознательным, над которым человек уже не властен. Политик, собирающийся играть чувствами масс, сам оказывается в ловушке. Остановиться он уже не может. А если попытается сойти с им же заданной

“дистанции”, участники разбуженного им национального движения, перерастающего в националистическое, сумеют обойтись и без него. Мы видели примеры подобного лавинообразного взрыва националистических настроений в национальных республиках и областях.

Борьба с сионизмом, пропагандируемая краевой администрацией, создает основу для роста националистических настроений в регионе с преобладанием русского населения, как это и происходит на Кубани. Появление в политическом менталитете современного общества такой составляющей, как противостояние мировому сионизму, вызвано кризисом национальной и гражданской идентичности, который связан с распадом Советского Союза и проявляется в неспособности государственных структур разных уровней защитить интересы собственных граждан. Исторические корни активной борьбы с сионизмом на Кубани – в особенностях религиозного и политического сознания русского народа, обусловленных известной долей традиционализма в российской жизни, высокой организующей ролью государства и большой зависимостью новоприсоединенного региона от состояния российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куценко И.Я.* С.Я. Маршак в Екатеринодаре-Краснодаре: 1918–1927. Майкоп: Советская Кубань, 1997.
2. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.
3. Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.
4. Ценности и символы этнического самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
5. Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. М., 1995.
6. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М.: Мысль, 1996.
7. Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России. М., 1998.
8. *Успенский Б.А.* Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные труды в 2-х тт. Т. 1. М., 1994.
9. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997.
10. *Баркашов А.П.* Азбука русского националиста. М., 1994.
11. *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта: Социокультурная динамика. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1997.
12. *Кондаков И.В.* Русская культура: Краткий очерк истории и теории. М.: Книжный дом «Университет», 1999.
13. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1999.
14. *Солдатова Г.М.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
15. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992.

16. *Бараниченко В.* Схватка над бездной: История кубанского казачества в контексте мировой истории: Факты и версии. Краснодар: Советская Кубань, 1999.
17. *Травников А.И.* Бои на улице Красной. Краснодар: Флер, 1998.
18. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.
19. *Минц С.С.* Мемуары и российское дворянство: Историковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998.
20. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: РОССПЭН, 1999.
21. *Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве. Краснодар: Советская Кубань, 1995.
22. *Литвак Б.Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М.: Наука, 1971.
23. *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М.: Политиздат, 1988.
24. *Клибанов А.И.* Духовная культура русского народа. М., 1998.
25. *Ротов В.С., Придиус П.Е.* Кубань: Один год с Батькой Кондратом и его дружиной. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
26. Батька Кондрат: От сердца к сердцу / Сост. В.С. Ротов. Краснодар: Советская Кубань, 2000.